

Журнал "Вокруг света"

№ 12, 1965

УДК 91
ББК 26.8
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг света": № 12, 1965 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 84 с.

ISBN 978-5-458-58058-8

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В.Ерофеев, А.Беляев и многие другие. За время издания было выпущено 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года).

ISBN 978-5-458-58058-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— А ты ничего водяга, Петюк.

— И ты ничего...

Пот заливает, щиплет глаза. С Чертова хребтика спускаемся с ветерком, так что ярко-желтые лиственницы мелькают в глазах. Искрятся снежные вершины трехтысячников.

От непрерывного торможения, от перегрузок сгорает камера. Она шипит, раскалившись и тлея под ободом покрышки, и от нее поднимается белый пар.

Лебедкой мы извлекаем из обоймы стокилограммовое запасное колесо. Лица наши темны от налета грязи и перегара, а белки глаз сверкают, как у негров.

— Ты бы лучше Стрельца с собой взял, — бормочет Пе-

Рисунок А. ГОЛИЦЫНА

тук, — здесь медведь нужен, не человек.

К вечеру достигаем Веселой горы. Здесь самый высокий хребет, за ним начнется спуск к Аксаю. Справа от КРАЗа тянется, круто уходя в небо, необозримое белое поле.

На каменных зубах сугробы, словно папахи. Ветер снова разгулялся, снежные ломти падают со скал, над дорогой крутятся маленькие смерчи.

Свеженамаляванный красный щит стоит у тракта: «Водитель, осторожно! Не газуй! Возможны снежные обвалы».

— Написали бы: ходи на цыпочках, — сердится Петюк. — А как нам не газовать с такой машиной?

К счастью, тракт бежит здесь под уклон.

— Сбавь обороты, Петюк, не шуми. Если заглохнет, попробуем проскочить на тормозах...

Тысячи тонн снега лежат на покатых склонах рыхлой угрожающей массой. Мы входим в опасную зону.

— Смотри, Петюк!

Наверху, на необозримом белом поле, вздыбившемся над

трактом, движущееся темное пятнышко. Человек...

Храбрец или дурак? Что занесло его на эдакую верхотуру, где неосторожный шаг, падение камня может вызвать движение снежных масс?

Человек быстро передвигается по уступу. Он бежит, оглядывается, словно спасается от кого-то. Охотник, должно быть. Если так, за него можно не беспокоиться. Дело знает.

Человек ловко взбирается на гигантский каменный зуб. Слово красноярский «калошник», борющийся за первенство. От кого же он бежит?

И тут догадка бьет в меня электрическим разрядом.

— Стоп, Петюк. Быстро. Дай руль.

Я мгновенно пересаживаюсь. Даю задний ход. Газую. Дергаю трейлер. Колеса пробуксовывают, а затем толкают платформу назад.

Стрельцов предупреждал: помни, Пономарь взял с собой динамитные патроны. Я рассмеялся в ответ. Но Пономарь знал, что делал.

Мысли мелькают с метеоритной быстротой.

— Там Пономарь, Петюк!

Назад. Мы еще можем выскочить из зоны лавин. КРАЗ с оглушительным воплем пятится назад.

Сквозь этот вопль двигателя доносится барабанный удар динамита. На склоне, там, где еще совсем недавно был Пономарь, появляется пышный снежный куст.

Он превращается в белое облако. Облако растет и приближается к нам. Двинулась гора.

Еще полсотни метров, и мы окажемся под защитой скалы.

Весь склон затягивается пеленой. Чувствую, как содрогается асфальт под колесами. Горы гудят.

Ветровое стекло, в котором только что лежала дорога, вдруг становится матово-белым. По кабине ударяет глухо и сильно, и тотчас становится темно. Кабина наклоняется. Кажется, мы летим куда-то в крошечной тьме.

— А, черт! — кричит Петюк. — Глуши дизель.

...Мы стоим. Не падаем. Кто-то словно толкает машину, жест скрипит, подается, на руку падает холодная струйка снега.

Тьма полная. Едко пахнет перегаром. Хорошо, что вовремя успел заглушить двигатель.

Слышно, как тикают часы на руке у Петюка и шуршит, падая в кабину, снег.

— Вот так, — говорит Петюк.

Воздух становится теплым и влажным. Это пар от снега, стаявшего на горячем моторе, проникает к нам.

— Вот так, — повторяет Петюк. — Сделал нас Пономарь.

Я чувствую, как тело начинает противно и мелко дрожать. В тот момент, когда пошла лавина, я не успел испугаться.

Нас накрыло лавиной. Только самым краем лавины. Толща снега над нами не очень велика. Метров пять, наверно. Но прорваться сквозь него мы не сможем — присыплет. Западу воздуха хватит часа на два-три. За этот срок нас не успеют откопать.

Остается надеяться на чудо.

— Да зажги ты свет! — кричит Петюк.

Ему изменяет спокойствие.

— Неужели конец? Конец всего? Нелепо. Глупо.

Нащупываю выключатель. Вспыхивает плафончик. Значит, аккумулятор в порядке. Свет падает сверху, и глаза у Петюка кажутся двумя темными провалами на белом лице.

Ощущение, что воздуха уже сейчас не хватает. Дергаю ручку двери. Может, свершится чудо? Может, дверь распахнется, я вывалюсь на холодный асфальт и увижу деревья, горы, захлебнусь жгучим морозным воздухом?..

Дверь словно приклепана к кабине.

Я не хочу умирать. Еще столько незавершенных дел. Я ничего не успел, ничего. Надо что-то делать, кричать, звать, барабанить в жесть.

Снег, прихлопнувший нас, поглощает удары. Мы сжаты снежной толщей.

Под кабиной шипит раскаленный коллектор, и воздух становится все тяжелее.

Говорят, в такие мгновения перед глазами человека проходит вся жизнь, все дурные и хорошие поступки. Ерунда — нет никаких воспоминаний.

Пономарь... Он оказался опаснее и коварнее, чем мы думали. Снег скроет следы пре-

ступления. Обвал? Здесь бываю обвалы.

Может быть, Лауринайтис успел заметить Пономаря? Вряд ли.

— Сволочь ты, Петюк. Ты и твой Пономарь. Если б ты рассказал, Пономарь не смог бы выехать... Он никуда бы уже не выехал из Козинска. Ты трус, Петюк.

Кабина кряхтит под напором снега. Хорошо еще, что у КРАЗа она сколочена как следует, на совесть. Густо пахнет сожженной соляжкой.

— Так мне и надо, — тихо говорит Петюк.

В кабине становится холоднее.

— Может, и трус, — медленно говорит Петюк. — А насчет Жорки я хотел тебе написать. Виновен я без вины в его смерти. Но к чему теперь?

— Говори.

Я еще живу. И пока живу, хочу знать правду.

— Говори, ну!

— Дело-то вот как было...

Пономарь с Березовским отпраздновал в сорок шестую партию. Пономарь под видом как будто к геологам, а на самом деле покрывки повез, припрятать до поры. Жорка его и засек. Дело подсудное...

— Побыстрее давай.

— Куда спешить?

Двигатель перестал потрескивать: остыл. А воздух тяжелеет...

— Пономарь сколотил бражку — человека четыре. Костюков им машины новые давал, грузы получше. Да и приписывал. Он — им, а они — ему.

— Быстрее, Петюк...

Еще жив какой-то крохотный осколок надежды, может, я еще вырвусь туда, к людям.

— Дальше — больше. Покрышками стали торговать, запчастями. Здесь, за горами, как за стеной.

— Ну, а ты зачем! Ты ж и без того — классный водитель!..

— Я? На новой машине сначала купился. Думаю: дам деньги, черт с ним, зато ездить буду как бог. Хотелось наверху быть. Не из-за прибыли, ты поверь. Славы хотелось. Мол, первый водитель на тракте. Ну, а раз одной ногой ступил, другая сама тянет. Завлекся, как рыба в кошель.

Кабина снова крикает. Гнется жесть. Сылнется откуда-то из щели снег.

— Не тяни, Петюк.

— Жорка поругался с Пономарем. Он уже многое знал, Жорка... Пономарь — Костюкову. Тот перепугался. Посылает нас вместе с Пономарем вдогонку, в Аксай. Мол, поговорите с ним. А дорога там очень скользкая была. Апрель, вода днем бежит на дорогу, к вечеру мерзнет. Гололед. Смотрю, Жорка здорово забуксовал. И его сносит на откос, вот-вот загремит. Он высунулся на подножку. Видит: я с мешком цемента выскочил. Он успокоился, кричит: сыпь! И в кабину нырнул, газу поддал.

Машина сползает, юлит. Я мешок разорвал и к колесам. Тут Пономарь подбежал: стой! Колеса уже рядом с обрывом. Жорка ничего не подозревает, надеется на меня. Цемент, он мертво сдержит.

Бросился я с мешком, а Пономарь по руке. Мешок откатился. Кричу: прыгай! А машина уже под обрыв. Не успел выпрыгнуть, не ожидал.

— Подлюга! — Я хватаю Петюка за курточку и начинаю трясти. — Ох, подлюга!

Голова у него перекатывается с плеча на плечо, как неживая. Что с него возьмешь?

— Двинул я его, — продолжает Петюк, всхлипнув. — Избил. Он не сопротивлялся. Умылся снегом, говорит: «Езжаем скорей. Ты, Петюк, хоть серчай, хоть нет, а со мной одной веревочкой связан. Ты меня можешь продать, но и я тебя потащу».

Петюк закрывает лицо ладонями, сидит так с минуту. Золотые часы на его руке стучат оглушительно громко.

— Чего было делать? Следователи приезжали, смотрели все машины, изучали: может, столкнул кто? Конечно, следов не нашли. Пономарь потом уже съездил к Полунчику, лист из диспетчерского журнала вырвал. Мало ли что!

Кабина подается в сторону, издав звук, похожий на кашель. Плафончик над головой мигает.

Не гасни, лампочка, не гасни.

Сверху сочится белая струйка, падает мне на колено и тает. Еще тает... Долго ли выдержит кабина?

— А тут ты приехал. Поно-

марь говорит: за нами этот парень прибыл. И я понял — не забудется то, что было. Ничего даром не проходит, за все платится. Решил: уеду, а тебе все напишу.

— Подлецы, подлецы...

Окна кабины забиты черным, плотно сбитым снегом. Снежный склеп. Братская могила. Он, Петюк, — «брат»?

Его, Петюка, похоронят с честью и музыкой. Костюков скажет речь. Пономарь будет стоять со скорбной рожей. И правда будет похоронена под снегом.

Никто не узнает, каким парнем был Жорка, как он вступил в борьбу с этой сволочью и как подло его обманули. Хапуги останутся на поверхности. Может быть, еще долго они будут рыдаться под порядочных людей и сеять вокруг отравленные семена. Предатели...

— Трус ты, Петюк, подлый трус...

Надо собрать документы, бумаги, положить в безопасное место. Я шарю в карманах. Комсомольский билет, путевой лист, записка Тани, присланная к Новому году... Неожиданная острая мысль обжигает меня. Ну, как это я сразу не догадался! Распустил юни, размяк, обомлел...

Я подаю Петюку чистой стороной Танину записку. Достая из-за щитка карандаш:

— Пиши!

— Завещание, что ль? Родственники и так разберутся.

— Пиши! Все, что рассказал сейчас. Фамилии все укажи, факты. И поставь: от Петюка, заявление.

Он поворачивает ко мне лицо, кажущееся плоским в этом странном свете. На шее у него бьется, бешено пульсирует жилка.

— Зачем? Пусть хоть люди хорошо думать будут...

Лампочка снова мигает.

— Ты все еще о славе заботишься? Пиши, ну!

Он берет бумагу, лист дрожит в его руке.

— Дай чего подложить.

Подложить нечего. Я поворачиваюсь к нему спиной, он пишет, прижав бумагу к ватнику.

— Главное — фамилии, факты. И поразборчивее.

Он пишет, и я слышу его тяжелое дыхание. Голова уже начинает наливаться тяже-

стью, мутнеет... Лишь бы только он успел записать!

Не знаю, сколько проходит времени, — он все пишет, потом отдает мне бумагу, я кладу ее в комсомольский билет, заворачиваю билет в шарф, прячу под рубашку, потом тряряю сознание. Снова просыпаюсь, Петюк дышит мне прямо в рот, растирает виски.

Потом гаснет лампочка и с оглушительным треском гнется жестяная крыша. Потом где-то над головой раздается стук, громче, громче... и все исчезает.

Просыпаюсь я оттого, что кто-то тормозит меня, бьет по щекам, и яркий, жгучий запах нашатыря раздирает ноздри. Вижу каких-то копошащихся, бегающих людей, машины, тракторы, снегоочиститель, над которым стоит фонтан снежной пыли...

Лицо Лауринайтиса совсем близко. Такое длинное, озабоченное. Незнакомая женщина в белом халате держит в руке флакон.

Высоко в небе ползут вечерние облака.

С трудом поворачиваю голову, рядом на подстилке из ватников сидит Петюк. Он ошеломленно таращит глаза.

Жив.

— Ну вот, успели все-таки, — говорит Лауринайтис. — Успели, успели... Две деревни съехалось.

Длинный ряд машин выстроился на тракте. А впереди дорога загромождена снежной горой. Да, лавина затронула час только краешком.

— А турбина цела?

— Целехонька.

Белый склон косо уходит к облакам. Темный зуб скалы торчит из снега. Я с трудом вспоминаю.

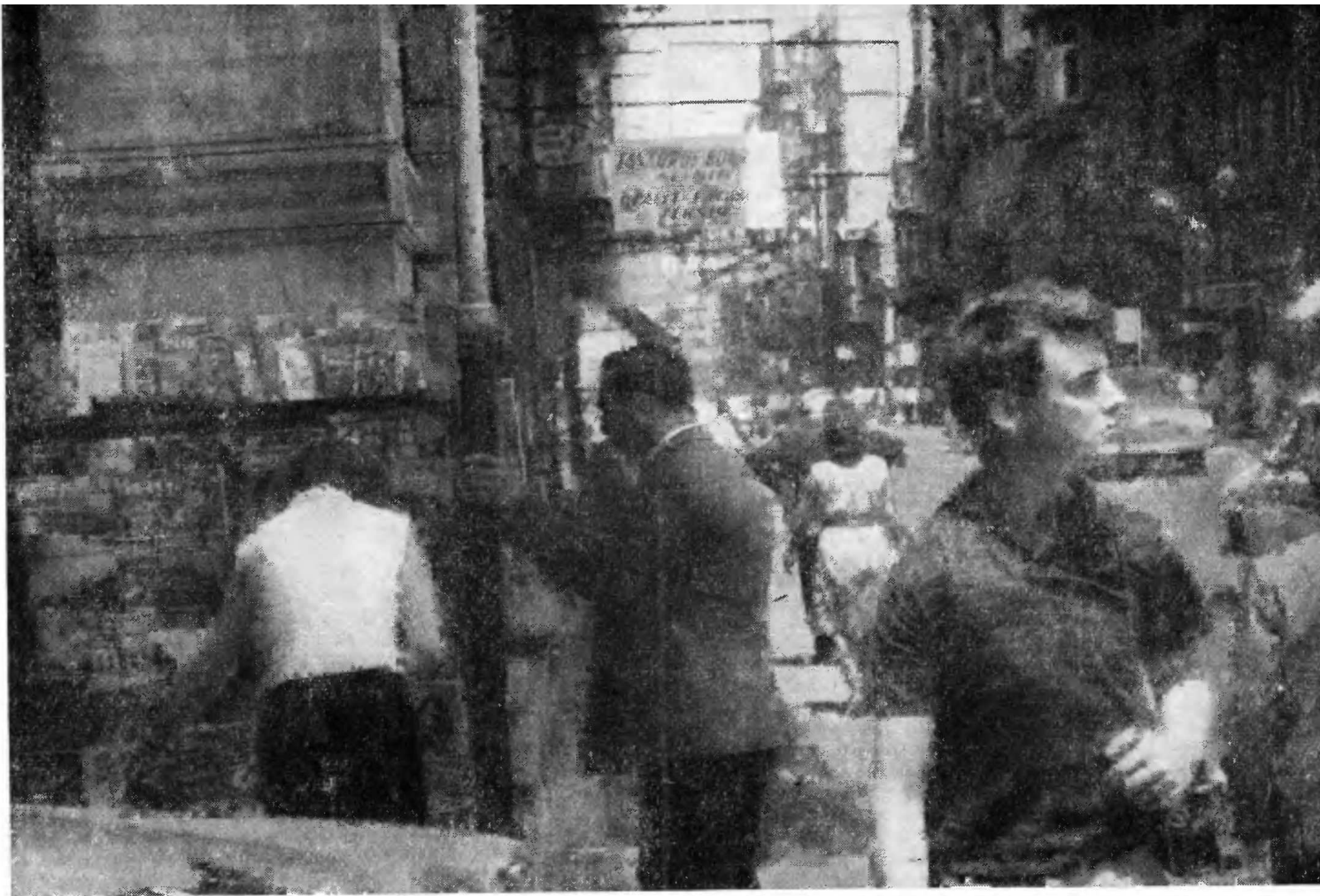
— Адам, слышишь, там, наверху, Пономарь. Он может уйти.

— Я видел, — говорит Лауринайтис. — Видел и слышал, как взорвалось. Ребята уже закрыли дорогу. Ему никуда не уйти.

Глаза закрываются сами собой, и вечерние облака исчезают.

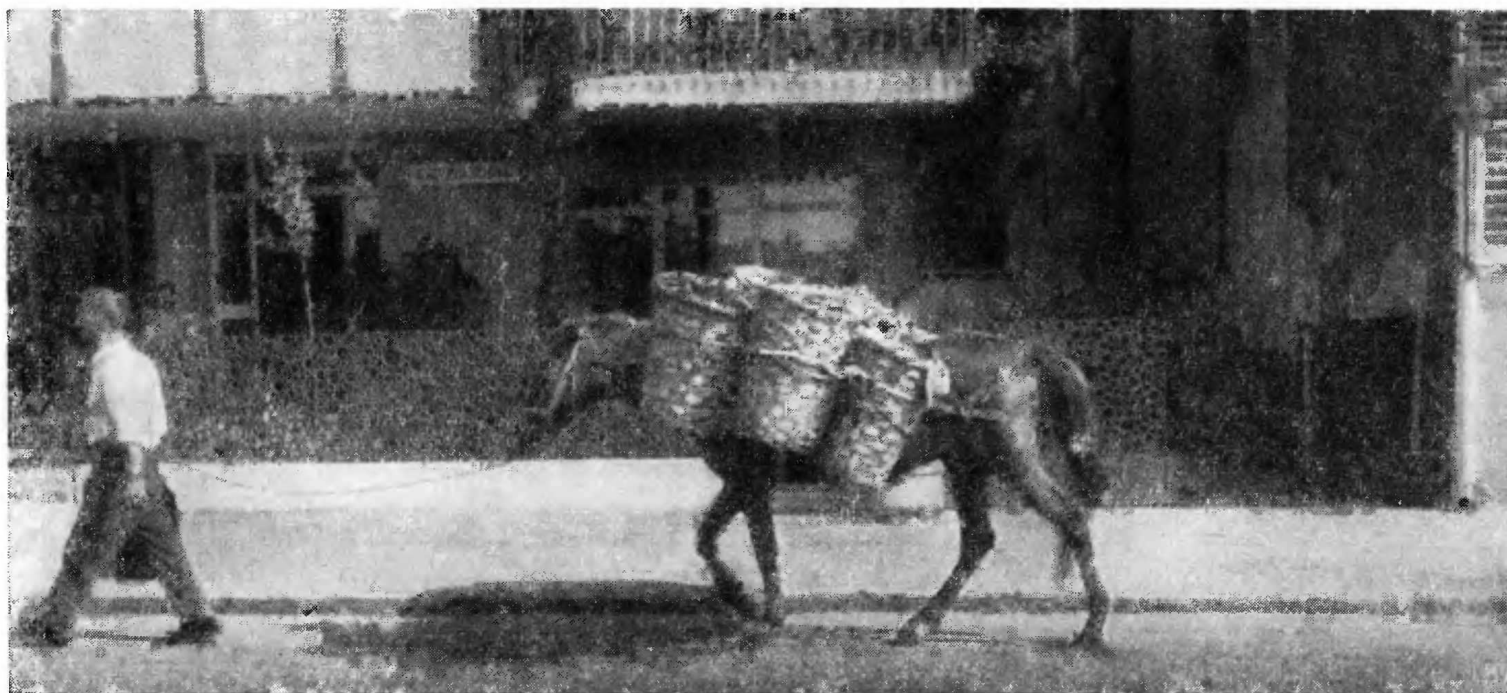
— Отойдите от него, — слышу я голос женщины в халате. — Пусть дышит ветром.

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ
СЕРДЦАХ

Н. ПАНИЕВ *Репортаж специального корреспондента «Известий» для читателей «Вокруг света».*

ФОТОКООРДИНАТЫ: Сverdлoвск

На Истикляле, главной стамбульской улице, всегда шумно. Истикляль как витрина. Здесь можно купить все — от газеты до автомобиля, попробовать только что выловленную в Босфоре камбалу, посмотреть последний «вестерн» и послушать бродячих музыкантов.

Турецкого крестьянина можно увидеть и в Стамбуле. Вот один из них везет на базар свой нехитрый товар.

«Событием в культурной жизни Стамбула» называли гастроли артистов советского цирка. Яркие, красочные афиши приглашают желающих посетить Дворец спорта, где с большим успехом проходили выступления советских мастеров арены.

Разные бывают мосты, но Галатский мост в Стамбуле, безусловно, уникален. Ведь он соединяет Европу с Азией. Тем, кто сидит сейчас в машинах, трудно ответить на вопрос, где же они сейчас находятся, — может, это еще Азия, а может, уже Европа.

«Город сотен минаретов» — так традиционно называют Стамбул. Сейчас на башнях минаретов установлены мощные репродукторы. Здесь шутят, что у минаретов появились ныне «внештатные» обязанности — рекламно-торговые. Вдали видна жемчужина Стамбула — Айя-София.

Для рыбаков утро началось еще затемно. А сейчас один из них продает свой улов,

Знаменитый стамбульский базар поистине город в городе. На большой территории, окруженной древними крепостными стенами, идет оживленная торговля. Здесь все пестро, разноречиво: современный лимузин и тележка мелкого торговца, фруктовые ряды и витрины с синтетическими товарами.

Стамбул с трех сторон омывается морем. Более того, море возле Стамбула покоится в объятиях берега, точно возлюбленная. Все это так. Но вместе с тем попасть в Стамбуле к морю труднее, чем на том свете в рай. Некие люди уже скупили все побережье Стамбула, от одного берега до другого. Покупка моря, конечно, дело невероятное. Слава богу, что они вместе с морем не купили морской воздух. Разница между морем и воздухом в том и состоит, что море можно купить, а воздух нельзя, а если бы это было не так, мы бы все задохнулись. Смотрю я на берега Стамбула, от Каваклара до Чекмеджи, от Шиле до Пендика, и вижу: нет такого местечка, где можно было бы бесплатно искупаться. И опять удивляюсь: как это можно продать море!

Домочадцы мои обрадовались, что после восьмилетних скитаний по Анатолии мы, наконец, возвращаемся в Стамбул. Это было лет десять назад. Приехали мы в Стамбул. Думаю, хоть насладимся Стамбулом, снимем дом у моря. Куда там! Все занято! Думаю, хотя бы поблизости от моря. И этот номер не прошел. Хотя бы, говорю, чтобы видно было море. Посмотрю издали на море, и душа порадуется. Не тут-то было! Даже издали на него не полюбуешься. Вдруг узнаем, что в Джихангире сдается дом с видом на море. Хозяин дома, еще не успев показать нам его, бросил:

- Двести лир.
- Что вы!
- Как хотите. Две комнаты, холл...
- И дорого и тесно.
- Зато море видно.

Итак, чтобы видеть море, мы соглашались платить двести лир за две комнаты.

Хозяин повел нас смотреть помещение. Дом стоял на склоне холма. Войдя в дверь, мы спустились вниз по лестнице на один этаж. Господи, да что это такое! Как известно, чтобы увидеть море, надо подняться, а не спуститься. Но подождите, это еще не все. Когда мы спустились еще на один этаж, я подумал, что мы, наверное, будем смотреть на море со дна. Мы очутились в крошечной тьме. Хозяин чиркнул кремнем, нашел выключатель, повернул его.

— Тьфу ты, свет выключили, — сказал он.

При свете тлеющего фитиля открыл дверь. Мы вошли. В комнате вечерние сумерки. Так как дом построен на склоне холма, то одна его сторона возвышалась над землей, а другая уходила в землю.

— Вы же говорили, на втором этаже? — обратился я к хозяину.

— Да, — невозмутимо сказал он, — под нами еще один этаж.

В комнате три окна. Я внимательно посмотрел в каждое, но, кроме нескольких деревьев и стены, ничего не увидел. Ну, а где же море? Я повернулся к жене:

— Посмотри ты. Я никакого моря не вижу.

Жена сказала:

— Я не вижу ни моря, ни чего-либо похожего.

Я говорю хозяину:

АЗИС НЕСИН,
турецкий писатель

МОРЕ

НОГАМИ

Рисунок **В. ЧИЖИКОВА**

Рассказ включен в сборник юмористических рассказов турецких писателей «Любовные письма», который готовится к печати издательством «Наука».

— Сударь, вы говорили, что с видом на море. Может быть, вы имели в виду этот морской пейзаж на стене?

— Что вы хотите сказать? По-вашему, из моего дома не видно моря?

Еще немного, и он, чего доброго, подаст на нас в суд за клевету.

— Простите, бога ради, — извинился я. — Мы вовсе не хотели ругать ваш дом. Ни я, ни моя жена не видим моря. Может быть, другим оно показывается, а нам не показалось!

— Принесите стул! — крикнул он кому-то наверх.

Служанка принесла стул. Хозяин встал на стул и, словно моряк Христофора Колумба, увидевший землю на горизонте, радостно воскликнул:

— Вот оно, море! Вот, у вас под ногами!

Он спрыгнул со стула. Теперь я взобрался на него. Ну и ну! Ничего похожего на море. Что это — почудилось ему или он сумасшедший? А может, он хочет внушить нам, что мы видим море?

— Простите, бей-эфенди, море я знаю. Я вырос в Стамбуле. Но, кроме какой-то голубизны, ничего не вижу. Должно быть, это облако.

— У вас какой рост? — строго спросил он меня.

В другое время я бы не сказал ему, какой у меня рост, но тут машинально ответил:

— Метр пятьдесят восемь.

— Ясно, — протянул он. — Все понятно. Я-то думаю, почему этот человек не видит моря? Что, у него завеса, что ли, на глазах? Теперь понятно, почему вы не увидели моря.

— Почему же?

— Рост у вас маловат. Чтобы увидеть море, надо иметь самое малое метр семьдесят. А ну-ка, встаньте на цыпочки.

Встал я на цыпочки — все равно ничего не вижу.

— Подпрыгните немного, тогда увидите.

Желая во что бы то ни стало увидеть море, я, как цирковой прыгун, стал подскакивать на стуле. Несколько раз чуть не ударился головой о потолок. Никакого моря! Хозяин крикнул:

— Принесите стол! С балкона!

Принесли стол. Он поставил стул на стол, а на стул взобрался я.

— А что теперь видишь? — спросил он.

От радости я чуть было не кувыркнулся, как акробат.

— Видел, видел! — закричал я.

— Что вы видели?

— Море видел, море!

Жена говорит:

— Слава богу, хоть и с риском для жизни, но все-таки увидел. Поздравляю. А какое море видно? Мраморное или пролив.

— Я, право, не разглядел. Просто кусочек моря. Хозяин обиделся:

— А еще говорите — стамбулец! Не можете узнать море! Вы видите море на двести километров к западу от Девичьей башни до мыса Сарайбурну.

С помощью хозяина, привратника и жены я спустился со стола. Как легко стало на сердце! Морской воздух — это совсем другое дело.

Жена у меня довольно полная.

— Не могу взобраться на стол, — сердится она.

— Да, — говорю, — стол, стул — это дело сложное. Когда мы сюда переселимся, придется соорудить что-нибудь вроде лифта.

Жена говорит:

— Человек должен видеть море со своей постели.

— С постели тоже видно, — успокоил ее хозяин.

— Интересно, как? Ведь для этого надо спать на стуле, стоящем на столе.

— Ничего подобного. Прежние квартиранты прекрасно видели море со своей постели. Надо только сделать перископ — знаете, у подводных лодок бывает, — тогда можете лечь на пол, опереться ногами о стену и спокойно смотрите себе на море.

— Перископ, говорите? А его можно приобрести?

— Пожалуйста. Сразу видно, что вы долго не жили в Стамбуле. Теперь у нас восемьдесят процентов жителей имеют перископы. Перископ — самый необходимый предмет в доме. Возвращаетесь вечером к себе усталый, берете перископ, смотрите на море — и на душе становится светлей.

— Сударь, вы недооцениваете свой дом.

Хозяин удивился:

— Это почему?

— Потому что этот дом может принести вам дохода не двести лир в месяц, а самое малое двести лир в день.

— Каким же образом?

— Очень просто. Дайте объявление в газету: «К вашим услугам прекрасный вид на море. За час — две с половиной лиры». Вы не будете успевать билеты отрывать у входа.

Чуть было не подрались с человеком. Вовремя убрались. На лестнице жена сказала:

— Надо было и мне хоть разок взглянуть на море, раз уж представилась возможность.

Перевел с турецкого А. БАБАЕВ

ФОРЕЛЬ ПИКИРУЕТ В БЕНЧ

Высоко в Каскадные горы заброшено озеро Бенч. В спокойных, тихих водах его отражается белоголовая вершина Рейнир, одна из высочайших в США.

Но вот тишину нарушает шум авиационного мотора. Над озером

появляется небольшой самолет, он кружит все ниже и ниже. И когда он пролетает всего метрах в тридцати над водой, от него отделяется облачко маленьких серебристых... рыбок. Радужно сверкая на ярком горном солнце, облачко «приводняется» и исчезает из виду. От самолета отрывается новая стайка «летучих рыбок».

Так служба охраны природы «бомбит» горные озера мальками форели. Сперва их выводят на специальных «рыбных фермах», а когда мальки достигают двух-трех

сантиметров, приходит пора собираться в путь. По пять-шесть тысяч рыбок помещают в полиэтиленовые мешочки с водой. Туда же подкладывают пару льдинок — они служат охлаждающим средством, чтобы «переселенцы» были не слишком «взволнованы» необычными приключениями, — и поддувают немного кислорода, чтобы им легче дышалось в дороге. После прыжка без парашюта их ждет безбедная жизнь в чистых и прохладных водах горных озер, которые так нравятся форели.

НЕСКОЛЬКО

СЛОВ

О БРИГАНТИНЕ

С ранней юности я люблю рассказ Киплинга под несколько странным и даже загадочным названием «Мы здесь!».

В рассказе говорится о плавании рыболовной бригантны в водах Ньюфаундленда.

Называлась эта бригантина «Мы здесь!». В имени бригантинны есть что-то и печальное и радостное. «Мы здесь!» — значит, мы помним родных, друзей и всех людей нашей страны, помним в этих печальных пространствах туманного северного океана.

«Мы здесь!» — значит, мы вернемся.

Когда бригантину окликали со встречных кораблей, то в ответ едва слышно доходило из гущи тумана, из погруженных в тусклый свет водных далей: «Мы здесь, не тревожьтесь о нас».

Впервые из этого киплинговского рассказа я узнал, что существует особый вид парусника под названием «бригантина».

Много позже, работая в газете «Моряк», я узнал наименования многих типов парусных судов — барков, шхун, бригов, клиперов...

Бригантина — это двухмачтовый небольшой парусник с квадратными парусами водоизмещением в 300—400 тонн. В общем это маленький бриг.

Но небольшие размеры корабля нисколько не лишали его поэзии. Бригантинны так же пенисто бороздили моря, как и стройные и стремительные бриги.

Они приносили мачтовые огни в такие глухие углы океана, что их впервые видели и приветствовали криками только стаи обезьян, еще не видевшие человека.

Бригантинны бесстрашно везли в своих трюмах драгоценный душистый груз, так же как и океанские клипера.

Поверим на слово рассказам наших дедов и прадедов о том, что в давние времена груз морских кораблей был гораздо душистее, чем нынешний.

Судите сами — гвоздика, копра, ананасы, кокосовые и мускатные орехи, ваниль, бочки с пальмовым вином. Всего не перечислишь!

— А что теперь? — спрашивают отцы и деды и пренебрежительно машут рукой.

— Теперь едкий зловонный бензин, убивающий в воде всяческую жизнь, да, бензин и еще какой-то липкий грязный мазут. Теперь не то!

Это вечный припев стариковских рассказов. И мы не те. И океан не тот.

И паруса не паруса, а хлопчатобумажный текстиль.

Разве кто-нибудь помнит о знаменитых манильских канатах для английского военного флота? В эти канаты коварно влетали красную нить. И если у частного (не военного) шкипера находили на корабле канат с красной нитью (а это свидетельствовало, что канат был наверняка украден с военного корабля), то шкипера по средневековым английским законам вешали в петле из этой же самой любимой им манильской пеньки.

В рассказе Киплинга рыбаки поют старую песенку:

Уходит бригантина,
Качаясь на зыбях,
Уносит нас с собою
В далекие моря.

Прощай, моя отчизна!

Прощай, Квебек!

Сборник под названием «Бригантина» будет нести в своих трюмах, как и полагается бригантинне, много замечательных «товаров» и прежде всего описания замечательных уголков Земли и удивительных явлений природы. Вот материал, который никогда не приестся и не набьет оскомину.

Проверьте это по первому номеру «Бригантинны».

* * *

«Несколько слов о бригантинне» — предисловие К. Г. Паустовского к сборнику рассказов о путешествиях, поисках и открытиях, выпускаемому издательством «Молодая гвардия».

В первом выпуске «Бригантинны» принимают участие писатели К. Паустовский, И. Соколов-Микитов, В. Некрасов, М. Алигер, Л. Кривенко, Г. Снегирев, печатается биографическая повесть Д. Дагена «Капитан Кусто», рассказывается об открытии наскальных изображений на азербайджанском берегу Каспия, о пещерных городах Крыма, о загадочных морских катастрофах.

С лауреатом Ленинской премии профессором В. П. Зенковичем читатели нашего журнала уже знакомы — Всеволод Павлович принимал участие в одной из бесед в нашей Кают-компании («Вокруг света» № 6 за 1965 год). Отправляясь в очередную экспедицию — исследовать берега Карибского моря и Мексиканского залива, — Всеволод Павлович обещал нам написать о работе Советско-Кубинской морской экспедиции. И вот в редакцию журнала пришло с Кубы письмо...

В. П. ЗЕНКОВИЧ

Коралловые берега Кубы

Капитаны не любят рифов. Они ведут судно очень осторожно и бросают якорь не ближе, чем в полукилометре от кипящих волн. Мы (ваш покорный слуга вместе со своим коллегой А. С. Иониным и кубинскими друзьями — географом Рафаэлем де ля Крус и великолепным аквалангистом Франциско Ондарса) сбрасываем в воду большую резиновую шляпку, грузим акваланги, прыгаем сами и начинаем долгий путь к рифу против сильного дневного бриза. Там один из нас ныряет и привязывает конец от носа лодки прямо к первому попавшемуся мощному «кусту» ветвистого коралла. Буквально через две минуты шляпка пуста.

Не знаю, что более привлекательно — вести наблюдения или созерцать ландшафт рифов? Пожалуй, и то и другое. Во всяком случае, мы не выходим наверх до последнего пузырька воздуха в баллонах! Нам, конечно, известны латинские названия и образ жизни кораллов, но для простоты мы называем наиболее распространенные и крупные «ладошками», «лапами» и «оленьими рогами».

Красота рифов и приключения «натуралистов» в море описаны многократно. Поэтому коснемся «бытовых» подробностей наших подводных «прогулок» и научного смысла исследований. Мы знаем немногие виды кораллов, которые жгутся, и всех морских ежей, иглы которых ядовиты и легко обламываются. Кстати, длина игл достигает 25 сантиметров. Ни тех, ни других мы не трогаем. В большие гrotы не ныряем, а в маленькие не лазим рукой. И там и тут обитают мурены разного калибра. На свет они, как пра-

вило, не выходят. Зато ночью легко попадают в сети и жареные очень вкусны.

Дальше следуют физалии. Это такие гидроидные полипы. На поверхности моря плавает лиловатый пленочный воздушный мешок, так с пол-литра емкостью. От него тянутся вниз полупрозрачные нити метров шести длиной. Они очень ядовиты. Один коллега из экспедиции, купаясь, попал в эти нити и сильно обжегся.

Барракуды на рифах гуляют всегда. От этих флегматичных щук, длиной почти с человека, нас поначалу брала оторопь. Они выбирают позицию метрах в трех от аквалангиста и упорно следуют за ним, описывая большие круги. Иногда их бывает две или три сразу. Несколько спусков показали, однако, что барракуды не имеют в данном случае агрессивных намерений. Мы их фотографировали. Когда к ним плывешь, они отступают и в худшем случае разевают зубастую пасть.

Ну и, наконец, королева тропических морей — акула! Несчастные случаи, по рассказам, бывают раз или два в год, и то больше с детьми. Над рифом крупной акуле не хватает глубины. На внешнем склоне, в синем бесконечном пространстве, было пока две встречи. Акулы не любопытны. Серая торпеда длиной более двух метров подходила к нам достаточно близко, но не проявляла ни малейшей алчности. Местные водолазы рекомендовали в тревожных случаях достать нож и постучать рукояткой по баллону. Звук металла якобы отпугивает акулу. Но оба раза, прежде чем мы успевали об этом вспомнить, ласты